

Нина Самарина

Конечная остановка

ЧЕЛНИНСКИЕ
ИЗВЕСТИЯ
TAT
MEDIA

Нина Самарина
Конечная остановка

«ТАТМЕДИА»

2023

УДК 82-31
ББК 84(2=411.2)

Самарина Н.

Конечная остановка / Н. Самарина — «ТАТМЕДИА», 2023

ISBN 978-5-4494-0142-7

В этом сборнике повестей Нины Самариной представлены пронзительные истории, которые заставляют задуматься о человеческой силе и слабости, о способности любить и ненавидеть. Повесть «Конечная остановка» – это история об отчаянном поступке молодой многодетной матери, которая устала от тяжелой жизни в семье своего непутевого мужа. Она совершает то, о чем даже бояться подумать измученные придирками и нелюбовью женщины. Главный герой повести «Розы без запаха» Олег винит свою жену в холодности, поэтому позволяет себе интрижки на стороне. Внезапно умирает его отец, уход близкого человека заставляет его иначе взглянуть на собственную жизнь. Но это не единственная смерть, которая кардинально изменит судьбу 37-летнего мужчины. Автор повестей «Конечная остановка» и «Розы без запаха» – журналист, заместитель главного редактора газеты «Челнинские известия» Наталия Гарипова, пишущая под псевдонимом Нина Самарина. В 2014 году стала обладателем татарстанской премии «Хрустальное перо» в номинации «Имя в журналистике». В ее копилке 12 повестей, все они публиковались в газете «Челнинские: известия», начиная с 2017 года. Это простые житейские истории, в каждой из которых читатели могут узнать себя или своих близких.

УДК 82-31
ББК 84(2=411.2)

ISBN 978-5-4494-0142-7

© Самарина Н., 2023

© ТАТМЕДИА, 2023

Содержание

Конечная остановка	6
1	6
2	8
3	13
4	17
5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Нина Самарина

Конечная остановка. Повести

Конечная остановка

1

– Как это в Крещение и не погадать! Давай, тащи сюда газету и спички, – Татьяна энергично сдвинула со стола тарелки и бокалы, потушила бра, которое висело над столом, и в кухне воцарилась темнота, которую прорезал лишь слабый свет фонарей да тусклый блеск снега за окном.

Татьяна и Алла были давними подругами, в январе они обязательно собирались за праздничным столом, болтали, немного сплетничали, смеялись, а еще гадали. Так повелось со студенческих времен: ничего особенного, просто баловство.

– Я первая! – Алла взяла большой газетный лист, смяла его, положила на металлический поднос и поднесла спичку. Бумага начала бойко гореть, женщины установили поднос с этим небольшим костерком ближе к стене, чтобы увидеть на ней движущиеся тени, которые создает горящая бумага.

– Смотри, вон собака бежит – это точно помощь друзей, а рядом бегемот какой-то, – засмеялась Алла, расшифровывая тени на стене.

– Смотри, поменьше на сладкое налегай, а то за год в бегемота превратишься, – Татьяна озорно посмотрела на подругу.

– А ты, Тань, с тортами реже приходи, лучше морковку приноси, – отшутилась Алла.

Вдруг обе замолчали и переглянулись.

– Ты тоже это видела? – с дрожью в голосе спросила Алла.

– Видела, – кивнула Таня.

Она резко включила свет, ухваткой взяла горячий поднос и сунула его в раковину под кран с водой. Раздалось шипение погасшего гаданья.

Они сели друг напротив друга за стол и замолчали. На стене в отсветах горячей бумаги подруги увидели одно и то же: силуэт гроба, в котором лежит женщина – отчетливо был замечен ее профиль. Над мертвой склонилась другая фигура, похоже, тоже женщина, она внимательно гляделась в лицо покойницы.

Вдруг Татьяна начала говорить, причем каким-то не своим голосом – тусклым, заунывным, совсем без интонации:

– Алла, ждет тебя большая потеря. Мама твоя заболеет и умрет прямо под следующий Новый год. Берегись женщины с седыми волосами, она заставит тебя страдать. Твой муж тебя обманывает, вы разведетесь.

Потом Таня обхватила голову руками, зажмурила глаза и сморщилась, словно от боли. Тело ее напряглось, а затем внезапно расслабилось.

– Ты что мне здесь нагородила? – с обидой в голосе громко сказала Алла. – Что за цирк? Ты вообще в своем уме?

– Прости, я сама не знаю, что говорила. Само как-то вырвалось. Я уж лучше пойду, – ответила гостя.

– Молодец! Сначала напугала до смерти, а теперь уходить собирается. Да я не усну. Ты это зачем все говорила, лучше объясни, – подруга со страхом глядела на Татьяну.

– Да не знаю я! Как будто не я это говорила, а другой кто-то. Мне самой, знаешь, как страшно! Я во всякое колдовство вообще не верю. Чуть это все какая-то. Просто напугались мы с тобой, вот наша психика и выдала нам по полной, – попыталась найти объяснение своему поведению Таня.

– Оставайся ночевать, мне страшно, – примирительно попросила Алла.

– Но у меня дома же Костя, сама знаешь, он мне весь мозг вынесет, если я не приду, – муж у Татьяны был очень ревнивым.

– Давай мы его сюда позовем, пусть приходит и ночует с нами. Я одна не смогу спать. Мой-то Славка в командировке.

В итоге подруги позвонили Косте, умоляли его прийти, и только благодаря тому, что он явился не с пустыми руками, а принес бутылку красного вина, женщинам удалось успокоиться и даже посмеяться над своим приключением.

Спустя год у Аллы действительно умерла мама, никакой седой женщины-вредительницы ей не встретилось, а муж и правда обманывал ее в своих командировках. Но семью им удалось сохранить, смерть близкого человека сплотила.

С тех пор за Таней прочно закрепилась слава гадалки, которая сначала тяготила ее, а потом начала приносить дивиденды. Уже 15 лет прошло с того январского вечера, подруги давно вышли из возраста, когда интересно гадать: обеим перевалило за 45 лет. Татьяна успешно эксплуатировала образ экстрасенса, ей удавалось на этом даже зарабатывать, хотя в глубине души она точно знала, что никаких потусторонних способностей у нее нет. Ей не было стыдно за то, что она наживается на наивности своих клиентов. «Все же я хороший психолог, а многим не с кем поговорить о своих тайных проблемах, так что деньги я беру за сеансы психотерапии», – успокаивала она себя в минуты угрызений совести.

2

В комнате было светло, эта квартира никак не походила на представление о месте, где живет экстрасенс и гадалка. Пахло прозаически – новой мебелью. Хозяйка вышла встречать клиентку в футболке, на которой было написано «Люблю море» и нарисован якорек. Вместо цыганской цветастой юбки – джинсы. Никакой потусторонней романтики.

«Босоножки старенькие, потертые, но чистые и отремонтированные. Сумка – вместительная, чтобы хлеб и молоко можно было положить, волосы собраны дешевой пластиковой заколкой, косметика – дешевая, пахнет духами из магазина бытовой химии. Чистенькая, но бедненькая и несчастненькая, зажатая, забитая. Наверняка, пришла про пьющего мужа выпрашивать», – такой мониторинг клиентов Татьяна проводила всегда, как только они переступали порог ее дома. Обувь, сумка, волосы и запах – были тем, на что она обращала внимание в первую очередь.

Она широко улыбнулась и жестом пригласила гостью в комнату.

«Вроде она не заметила, что платье под мышкой зашито», – гостя прижала плотнее руку к туловищу, чтобы не светить подштопанным платьем. Она робко посмотрела на Татьяну и мелким шагом, на цыпочках засемила в комнату.

«Наверняка, муж ее колотит. Сейчас будет рассказывать мне, какой он прекрасный, но слабый человек. А сама вон синяк на руке прикрывает», – Таня легко вздохнула и глянула на молодую женщину, устраивавшуюся напротив нее в кресле. Та зябко повела сведенными плечиками, хотя в комнате было жарковато.

Обе молчали: гадалка – поощрительно-пригласительно, гостя – смущенно-растерянно. Татьяна специально молчала, давая посетительнице возможность пообвыкнуться.

– Как правило, я гадаю на картах. Могу на обыкновенных, могу на Таро, – прервала паузу хозяйка.

– Мне на обычных, – робко пролепетала посетительница.

– Вот вам колода, подержите ее в руках и задумайтесь о том, что бы вы хотели узнать, может, что-то изменить. Вас ведь Юля зовут? Вы не стесняйтесь, Юля, – гадалка передала госте колоду, слегка дотронулась до ее руки, а потом вдруг заговорила.

– Вижу, Юля, с мужем у вас не все гладко. Злой он человек, пьет много, обижает вас. Сильно ревнует, хотя повода вы не даете, вымещает на вас все свои неудачи.

Просительница вздрогнула.

– Вы же еще карты не разложили, – тихо сказала она, а в ее глазах уже читалась безоговорочная вера в экстрасенсорные способности хозяйки квартиры.

– Сейчас мне это не нужно, просто я почувствовала вас. Замуж вы выходили по любви. Муж вас ревновал к каждому столбу, вы думали, что именно так и выражаются сильные чувства. Строчил СМСки по 15 штук в час, сторожил под подъездом. Как, кстати, его зовут?

– Леонид.

«Господи, как мне это все надоело, – думала Татьяна. – Где твои глаза были, когда ты с ним связалась? Какие женщины бывают доверчивые и слабые!»

– Смотрю, и дети у вас есть, – гадалка уже раскладывала карты.

– Да, трое.

«Еще и трое! Куда же ты от такого упыря-то нарожала!»

– Пьет ваш муж крепко, – невозмутимо гадала Татьяна.

– Да, поэтому и пришла. У него есть другая, да? Поэтому он такой, да?

«Он такой, потому что мудака, – усмехнулась про себя гадалка, – за мудака ты замуж вышла, голубушка, смотреть раньше надо было, могила его исправит».

Но вслух сказала:

– Бывали у него женщины, но так, залетные. Зазнобы постоянной у него нет, сейчас точно никого нет, – сжалобилась над страдальницей хозяйка квартиры.

«Какие там любовницы, когда он не просыхает, бабу ему бутылка заменила», – отметила про себя гадалка.

Ресницы посетительницы внезапно задрожали, подбородок запрыгал.

– Это хорошо! Спасибо! – она заерзала в кресле, – а можно, мне зелье какое-нибудь дать или заговор сделать, чтобы он пить перестал?

«Ну вот, что я говорила! Вместо того, чтобы собрать шмотки и бежать от деспота и алкоголя куда подальше, она спасать его собралась. Только боится сильно, поэтому втихаря хочет ему что-нибудь подмешать. Конечно, это же гораздо легче, чем порвать с ним и уйти открыто, пока дело до поножовщины не дошло», – рассуждала Татьяна.

Вслух она сказала только последние слова:

– Как бы дело до поножовщины не дошло. Вижу, блестит холодная сталь, над вами нависла опасность, может быть, над вашими близкими.

– Это как? Зачем вы меня пугаете?

«Не хочет голос разума услышать, придется лавочку сворачивать и выдать ей какую-нибудь волшебную микстуру. Ох, доиграется она с огнем, все соки он из нее высосет».

– Это не я вам говорю, это через меня вам дух-охранитель семьи говорит, – загробным голосом ответила Татьяна. Потом она опустила руки на колени, замолчала и прикрыла глаза. Затем, словно очнувшись, встряхнулась и сказала:

– Дам я вам одну настойку, мне ее шаман с Алтая передал. Говорит, что помогает в таких случаях хорошо. Плесните одну чайную ложку ему в чай. Остальное нужно вылить на могилу молодого мужчины на кладбище. Но гарантий нет никаких, спасти его вам вряд ли удастся, слишком сильно он погряз в грехах, демоны почти утащили его в свой ад. Я попробую поработать с его астральным телом в своих медитациях, чтобы оно стало менее восприимчиво к алкоголю, но ничего не гарантирую, случай запущенный. – Татьяна строго посмотрела на Юлию.

После таких визитов она чувствовала себя вымотанной. Гораздо легче было общаться с молодыми девчонками, которые еще замуж не вышли, жизнь их не успела потрепать. Им можно было говорить все, что угодно, главное – настроить на лучшее. Нетрудными были и сеансы со скупающими дамами без видимых проблем. Им требовалось мистическое приключение, выдуманные страсти да туманные предсказания. Приходили к ней и скептики, с ними гадание выливалось в беседы за жизнь и сеансы психотерапии.

Но вот такие случаи, когда она видела, что человеку угрожает реальная опасность, которую он не хочет признать, были самыми безнадежными.

– Юлия, это не мое дело, конечно, но, может, вам лучше с юристом поговорить? Я же вижу, что у вас синяк на руке, – не выдержала Татьяна.

Та только затравленно на нее глянула и тихо, но твердо ответила:

– Я просто ударилась.

Обычно плату за визит посетительницы оставляли в большой плоской вазе, которая стояла в коридоре на тумбочке у выхода. Об этом Татьяна предупреждала заранее, еще при телефонном разговоре, когда назначала визит. Ей не нравилось иметь дело с деньгами во время сеанса, казалось, это нарушает всю магию. Вот и теперь Юля неловко потянулась в сумочку за кошельком, чтобы оставить деньги в вазе. Кстати, Татьяна никогда не назначала цену, каждый давал столько, сколько считал нужным.

Посетительница замялась, завозилась с деньгами. Татьяна сделала вид, что не замечает манипуляций гостыи. Когда та наконец ушла и закрыла за собой дверь, гадалка заглянула в вазу.

«А вот это уже некрасиво, – с усмешкой подумала она, глядя на 50 рублей, сиротливо лежавших на дне. – Если ты такая бедная, лучше бы деньги на молоко для детей потратила, а

не гадалкам отдавала. С мужем тебе, дорогая, разобраться надо, а то он и детей тебе ломает. О чем только думаешь!» – Татьяна все не могла остановить внутренний диалог, который вела с посетительницей.

Вся эта эзотерика была ее побочным заработком, которым она занималась в свободное от работы время. Основной доход уже давно ей приносила частная практика массажа, где она тоже использовала нетрадиционные методы, но могла промять спину вполне классически – когда-то она прошла специализированные курсы, да и сейчас время от времени ездила на повышение квалификации. Принимала она на дому, в комнате у нее даже имелся большой массажный стол. Кстати, некоторые после сеанса врачевания тела оставались и на сеанс врачевания души – погадать. В общем, Татьяна не бедствовала, учитывая, что массаж нынче недешев.

Через 15 минут к ней должна была подойти дама на лимфодренаж – особый вид массажа. Она была ее недавней клиенткой: в свои 60 лет имела 30 кг лишнего веса, но при этом была очень активна. Казалось, Зинаида ни на минуту не может остановиться, даже на массажном столе ее было тяжело расслабить. Рот у нее тоже не закрывался. За пять сеансов, что она уже прошла у Татьяны, женщина успела рассказать всю свою жизнь. Особую ярость в ней вызывала невестка. Вот уж у кого не осталось ни единой непромытой косточки. Зинаида багровела не только лицом, но даже спиной, когда рассказывала, в каких непутевых руках оказался ее сын. Неприязнь была настолько велика, что она даже ни разу не назвала невестку по имени, только по прозвищу: «бледная немочь».

– И представляешь, Танюша, она даже суп нормальный сварить ему не может. Сама хлипкая, и суп у нее жидкий. Как она ему умудрилась троих детей родить, ума не приложу, – кряхтя, сообщала очередную подробность жизни сына Зинаида.

Когда она впервые пришла в дом Татьяны, хозяйка по привычке отметила про себя: «Обувь – удобная, добротная, правда, аляповатая, и сумка такая же. Ногти и волосы ухоженные, а за весом – не следит». «Натура, подверженная страстям, не умеет останавливаться», – решила тогда экстрасенс, и оказалась права.

Сегодня она приготовилась выслушать очередную длинную историю о «бледной немочи» и бедном сыне. Правда, Татьяна умела отгораживаться от слишком эмоциональных клиенток, слушала их вполуха и сосредотачивалась на массаже.

Но на этот раз Зинаида пришла не на массаж.

– Слушай, Танюша, давай сегодня погадаем, – энергично предложила она.

– Ну что ж, давайте. А что за надобность такая?

«Опять про невестку и сына сейчас запоет», – усмехнулась про себя гадалка.

– Сын у меня с этой дурой все никак ужиться не может. А тут пришел ко мне недавно нормальных голубцов поест и весь аж светится. Я его, конечно, пытать начала: что да как, откуда такое веселье. А он отмалчивается, но сердце-то материнское чувствует – баба ему нормальная попалась. Вот хочу узнать, изменяет ли он бледной немочи, – разоткровенничалась свекровь.

«Да хоть с самой царевной он бы спутался, тебе и эта не понравится. Через месяц ты ее шалавой обзовешь, если она независимая, и бледной поганкой, если она скромная», – подметила Татьяна про себя, а сама взяла карты.

– Перетасуйте. – Она отдала гостье колоду.

– Представляешь, она тут решила, что может указывать, сколько времени сын должен проводить с матерью! Совсем уже у него от рук отбилась! Я ему, конечно, все высказала про его благоверную. Родная кровинка, а такое терпит – вечное ее нытье по поводу и без. Завела песню: «Может, ты не будешь так часто к матери ходить?» Представляешь?! Как такое вообще возможно? – Рот Зинаиды не закрывался.

«Да уж, попала девчонка в переплет, с такой-то свекровью. Не завидую я ей», – отметила Татьяна, ее настроение портилось.

– Ну, раскладывай свои карты. – Нетерпеливая клиентка подалась всей своей необъятной грудью вперед.

«Ой, как ты меня достала. Сейчас я тебе погадаю», – приготовилась хозяйка квартиры, а вслух сказала.

– Вот смотрю я на карты и вижу: казенный дом, деньги, хлопотная дорога, женщина какая-то рядом, видно молодая, но не жена. Их что-то связывает, сильное, родовое. Не ребенок ли? – закинула удочку Татьяна.

– Что за дом такой, казенный?

– Ну полиция, например. Ох, Зинаида, подаст кто-то на алименты, судя по раскладу. – Татьяна откровенно веселилась, глядя, как ее предположения выводят из себя клиентку.

– Какие такие алименты! Было дело, гулял он по молодости, но женат-то не был, может, и прижил каких-нибудь детей, а теперь каждая шалава на алименты подавать будет? – уже гремела, краснея лицом, ревнивая мать.

Татьяна про себя усмехалась: «Задай своему отпрыску головомойку, пусть ему пусто будет. Семейка упырей».

– Я уж не знаю, какие алименты. Может, и не алименты вовсе, может, чего другое в казенном доме-то у него выйдет – подерется да в кутузку попадет, мало ли что, – рассуждала вслух Татьяна.

– Какая из тебя гадалка, если ты толком сказать ничего не можешь: то алименты, то драка. В гробу я видала таких экстрасенсов! Шарлатанка! Мошенница! Идиотка! – Голос скандалистики набирал все большую высоту, на «идиотке» Зинаида сорвалась на визг. Ее лицо стало малиновым, она начала судорожно хвататься за сердце.

– Успокойтесь, Зинаида, – засуетилась Татьяна, – вам нехорошо? Давайте я «скорую» вызову, не нужно волноваться. – Хозяйка бросилась на кухню за стаканом воды. Одновременно она набирала телефон неотложки.

Из комнаты неся только натужный хрип.

«Переборщила, а ведь хотела просто ее немного проучить», – уже сокрушалась Татьяна.

«Скорая» приехала довольно быстро.

Женщине сделали укол, спросили у Татьяны, кем она ей приходится. В итоге Зинаиду увезли в больницу. Гадалка только и успела спросить у нее телефон сына, чтобы передать ему неприятную новость – маме стало плохо, ее госпитализировали.

«Больше никогда так делать не буду. Подумаешь, противная тетка, но мое-то какое дело? Вот зачем ей надо было про невестку столько гадостей рассказывать? Вела бы себя нормально, тогда бы веселая и довольная домой отправилась, а не на больничную койку. Только бы она этой несчастной заложнице семейства мозг не вынесла», – переживала неудачное гадание доморощенный экстрасенс.

Со вздохом Татьяна набрала номер сына. Трубку долго не брали, она уже хотела нажать отбой. Но вдруг услышала резкий голос.

– Да! – рявкнули в телефон.

– Здравствуйте. Я вам по поводу вашей мамы звоню. – Татьяна плотно прижимала трубку к уху. – Ее в больницу увезли – во вторую городскую, плохо ей стало.

– Где плохо стало? Кто вы? – чуть более мягким голосом спросил мужчина.

– Она тут ко мне на массаж приходила, разволновалась, сердце вроде, – как в холодную воду заходила Татьяна, которая не стала говорить про сеанс гадания.

– Ясно. – В трубке замолчали.

– Ну, я надеюсь, все будет нормально, она поправится. Она была в сознании, разговаривала, – засуетилась гадалка.

– Я все проверю, и у нее спрошу, кто виноват в приступе. Эти ваши массажи людей до добра не доводят, – агрессивно ответил сын Зинаиды и бросил трубку.

– Ну и семейка! – в сердцах вслух сказала Татьяна, когда положила трубку, но при этом ей действительно стало не по себе, уж больно угрожающим был голос в трубке.

Всю неделю ее мучила совесть. В итоге как-то вечером она собралась с духом и набрала номер сына Зинаиды, хотела узнать, как дела у его мамы, спросить, где она лежит, чтобы навесить.

– Да! – неприятно резанул ухо голос в трубке.

– Извините, что беспокою, это Татьяна, массажистка. Хотела проведать вашу маму, не подскажете, как к ней попасть: отделение, палата? – выдохнула скороговоркой она.

– Точно не могу сказать, жена в курсе. Переговорите с ней, сейчас трубку передам, – сказал мужчина.

Татьяна слышала, как он гаркнул куда-то в сторону: «Трубку возьми!» И слабый, будто вечно извиняющийся, женский голос, который пролепетал в ответ что-то невнятное.

– Здравствуйте, – тихо ответила подошедшая к телефону невестка.

«А ведь точно, говорит, как «бледная немочь», забитая какая-то», – подметила Татьяна. Она выслушала долгое путаное объяснение, где лежит свекровь, когда к ней лучше подойти, что ей можно, что нельзя. Под конец стало так скучно, аж зубы свело. От скуки и напряжения она начала выдергивать нитки с подола юбки.

«Все хватит, я больше не выдержу этого нытья», – думала Татьяна, а женщина на том конце провода еще только закончила долгое объяснение, что делать, если не будут пускать в палату.

– Спасибо вам большое, я поняла, – попыталась прервать поток слов Татьяна.

На том конце смущенно замолчали, вздохнули, а потом тихонько пролепетали:

– До свидания.

«Уф, уморила!» – со вздохом нажала на отбой массажистка.

3

В торговом центре было шумно: играла какая-то ненавязчивая музыка, сквозь общий гомон прорывался визг ребятни, развлекавшейся в детском центре на батутах и горках.

– Мой совет: не связывайся ты с этим семейством, токсичные они какие-то, – советовала Татьяне ее давняя подруга Алла. В эти выходные они решили прошвырнуться по магазинам. Женщины сидели в небольшом кафе. Был у них такой ритуал: собраться раз в месяц, погулять по торговому центру, посидеть за чашкой кофе, обсудить новости, посплетничать. Алла говорила, что так отдыхает от своего многочисленного семейства: недавно у нее родился внук, а жили они пока все вместе, в одной квартире – она, муж, сын и его семейство. А Татьяна была свободная птица – с мужем давно развелась, у дочери была своя семья, своя жизнь. Отдыхала она в основном от атмосферы собственного дома, ведь он был пропитан чужими проблемами, аурой беспокойства и надрыва.

– Мне и самой не очень охота, да совесть замучила. Напугала я эту вздорную бабенку до приступа. Нельзя так с людьми все же играть, – совестилась Татьяна.

– Не ты ее довела, она сама себя довела. Молчала бы ты, так она бы в ближайшем магазине начала скандал, и все равно дело закончилось бы приступом.

– Ну, один раз схожу в больницу, чтобы совесть свою успокоить, больше не буду иметь с ней дел. А знаешь, сын у нее еще тот фрукт. Наверняка он свою «бледную немочь» колотит. Зачем она прибилась к этому семейству, прямо не знаю, – снимая пенку с капучино, говорила Татьяна.

– Ох, не к добру это все. Не ходи, сделают они тебя виноватой.

– У меня есть прекрасное оружие – я же для них экстрасенс. Начнут мне в душу лезть, скажу, что порчу наведу.

– Это из серии «в каждой шутке есть только доля шутки»? – заулыбалась Алла.

Вечером Татьяна все же пересилила себя и решила сходить в больницу. Когда она заглянула в палату, то просто оторопела. У койки Зинаиды на небольшой табуреточке сидела Юля, ее недавняя клиентка. Она робко поджала под себя ноги и, казалось, боялась сдвинуться с места, ей хотелось занимать как можно меньше места в пространстве.

– Здравствуйте, Зинаида. Вот пришла проведать вас, как вы себя чувствуете? – решительно направилась Татьяна к ее койке.

– А, Танюша! – елеиным тихим голоском ответила больная.

«Что это? Никогда не слышала, чтобы ты так разговаривала. Куда подевалась бой-баба?» – удивилась про себя гостя.

– Юля, подай мне воды, – умирающим голосом произнесла Зинаида.

Невестка засуетилась, потянулась за бутылкой с минералкой, чуть не опрокинула чашку.

Свекровь раздраженно повела плечами, но как только заметила, что Татьяна смотрит на нее, тут же прикрыла глаза и беспомощно опустила руки вдоль тела.

Юля судорожно поднесла к лежащей на койке женщине стакан и почти шепотом произнесла:

– Мама, выпейте воды.

«И весь этот спектакль для меня?» – удивилась про себя Татьяна. – Сколько энергии человек тратит на то, чтобы его пожалели. В сущности, хоть она и деспот, но, видимо, очень глубоко обиженный человек, которому не хватает настоящего тепла от окружающих, поэтому она его требует в такой истеричной форме».

Зинаида приоткрыла глаза, а потом раздраженно, но тихо ответила:

– Не хочу.

– Танюша, хотела с вами пройтись по коридору, врачи рекомендовали мне больше двигаться. Помогите встать. – Последнюю фразу она бросила невестке.

Маленькая Юля с трудом вытянула с койки грузную свекровь. Больничная панцирная сетка, как назло, тянула тело больной обратно в койку.

На этой картине в палату зашла медсестра.

– Вам, Петрова, худеть надо. Сердце шалит, давление скачет – сбросите вес, все как рукой снимет, – деловито и громко резанула медсестра правду-матку.

«Зря она так. Человек ведь перед ней, да еще и больной, – сначала подумала Татьяна, а потом догадалась: – Видимо, она уже и медсестер достала».

– Ну что же, Зинаида, прогуляемся, – вслух сказала она.

Сердечница, повиснув на руке Татьяны, прошаркала в коридор. По нему она шла медленно, словно боялась переставлять ноги.

– Может, в больничный дворик выйдем? Там приятно, – предложила Татьяна, которая уже была не рада, что оказалась в этом месте.

– Выйдем, – тяжело пролепетала больная. Они кое-как доплелись до лифта.

На улице Зинаида вела себя иначе. Вдали от глаз медсестер и своей невестки она словно зашла за кулисы со сцены и сбросила костюм тяжелой больной, стерла с лица маску страдания и стала вполне себе обычной теткой. Конечно, не вполне здоровой, но вовсе неумирающей.

– Ну, видела мою невестку? Иногда мне хочется ей подзатыльник дать, чтобы ускорение придать, – усмехнулась Зинаида, усаживаясь на скамейку.

«Не ты одна ей подзатыльники раздаешь, твой сын вообще старается», – подумала Татьяна.

– Ну как тебе эта бледная немочь? Это же кошмар! Безрукая сыну моему досталась.

– А ее, оказывается, Юля зовут.

– Да какая разница! На нее даже смотреть тошно – вялая, как кисель. Что он только в ней нашел!

– Зинаида, вам волноваться вредно. Сейчас опять тахикардия начнется. Да вроде нормальная ваша Юля, вон ухаживает, воду подносит, помогает. У некоторых невестки совсем другие, хоть и бойкие. Как сын-то ваш?

– Бесит меня ее помощь, не могу ее спокойно видеть, тахикардия начинается, – усмехнулась Зинаида. – А сын про тебя говорил. Дескать, ты меня довела до приступа. Хочет разобраться, адрес твой спрашивал, правда, пьяный был. Я ему не дала, да и не в обиде я на тебя. Всяко в жизни случается. Я психовать могу начать просто так, на ровном месте – вспыльчивая.

Они замолчали. Стало отчетливо слышно, как в больничном парке начала куковать кукушка.

– Эх, сколько мне еще осталось, кто знает, – прислушиваясь к птице, начала Зинаида.

– Вы еще всех нас переживете, – произнесла вслух Татьяна, а сама подумала: «Такие, как ты, со свету всех близких сживают, а потом до глубокой старости мучаются от одиночества».

– Чего про мою болезнь-то скажешь, экстрасенс? Можно домой-то идти? Сынок там без меня, наверное, уже на стенку лезет.

– Зинаида, вы же не старуха, зачем вам сын, его семья? Вам свою личную жизнь строить надо. Найдите себе бодрого пенсионера, будете вместе с ним телевизор смотреть, на даче копать, – пожалала плечами Татьяна. Ей стало не по себе от того, что пьяный мужик решил вычислить, где она живет.

– Думаешь, не искала? Только что-то не больно наши мужики на баб кидаются, им, видите ли, и так хорошо живется: никто под руку не зудит, советов не раздает.

– Так можно же и не зудеть, – резонно заметила Татьяна.

– А как мужик-то будет жить без руководства? Они же, как дети малые, – парировала Зинаида.

«С этой разговор бесполезный. А Юле надо из этой семьи убежать без оглядки», – отметила про себя Татьяна.

– Давайте я вас в палату отведу, скоро сон-час начинается. – Татьяна легко встала и подала руку Зинаиде. Та в ответ схватилась за нее и с трудом поднялась со скамейки.

– Чего молчишь-то про мое здоровье? Можно мне отсюда уходить уже? Я расписку написать хотела.

– Лучше врача послушайте, еще никому не помешало обследование пройти, – ответила Татьяна.

Женщины пошли обратно к больнице. Зинаида резко замедлила шаги, когда они вошли в вестибюль, на ее лице опять появилась маска обреченности и боли.

«Ну, актриса! Это же надо!» – даже восхитилась Татьяна.

На душе было беспокойно. Хотелось быстрее выпорхнуть из этих душных обстоятельств.

«Пора ехать на Алтай, нужно подзарядиться». – Был у Татьяны такой ритуал: ежегодно она отправлялась в горы, которые считала местом силы. И хоть к своей карьере экстрасенса и гадалки она относилась скептически, была уверена, что высшие силы ведут ее, что у нее есть миссия, для которой периодически нужно чистить ауру и усиливать энергетику.

С этими мыслями она проводила клиентку до дверей отделения.

– Вы уж, Зинаида, если что, простите меня, – сердечно сказала она на прощание.

– Бог простит, – привычно ответила больная.

С огромным облегчением Татьяна закрыла дверь кардиологии: до палаты она провожать Зинаиду не стала.

Почти бегом, как девочка, она простучала каблуками по ступенькам вниз, после сегодняшних разговоров ей будто не хватало воздуха, поэтому она не стала вызывать лифт.

«Срочно на Алтай! Это не Зинаиде лечиться надо, это мне восстанавливаться после нее следует».

– Татьяна, подождите, – окликнул ее кто-то, когда она уже выходила за калитку больницы.

Гадалка обернулась. Навстречу быстрым шагом шла Юля. Молодая женщина была до того несурзной, что вызывала острую жалость. Вроде вся такая бледно-аккуратная, но походка! Она шла с жжатой в плечи головой, как будто ее кто-то собирается ударить, казалось, что она пытается двигаться так, чтобы стать совершенно не заметной, слиться с окружающей средой. Может, от того, что Юля торопилась, ноги несли ее по какой-то кривой, пару раз она запнулась.

Татьяна остановилась.

«Без слез не взглянешь», – мелькнуло в голове.

– Я хотела спросить вас: свекровь к вам на сеансы ходила? – запыхавшись и убирая прядку со лба, выдохнула Юля.

– Да, приходила. В последний раз ее что-то расстроило, и от меня ее увезли в больницу. Вот, решила навестить, а то неудобно как-то получилось.

– Она что-нибудь про мужа моего говорила? – Забитая молодая женщина поглядела снизу вверх на Татьяну.

– Так, не особенно.

– Он мне изменяет, да?

– Юля, мне кажется, что вы не о том заботитесь. Не мое дело, конечно, но вам нужно не об изменах мужа беспокоиться, а создать себе поле для отступления. Я же вижу: он вас бьет, ни во что не ставит, пьет. Мой совет – пока не поздно, втайне от него снимите какое-нибудь жилье, заведите банковскую карточку, на которую хоть по капле откладывайте деньги. Это поможет вам быстро уйти от него с детьми, сделав так, что он не узнает, где вы находитесь. Мне кажется, что скоро под его кулаки попадут дети. Вам нужно спастись. У вас есть родные? Лучше, чтобы они были в курсе того, что вы ушли, но не знали, куда, иначе он вас быстро

найдет, вернет домой и станет еще хуже. – Эта тирада сама собой вырвалась у Татьяны, она даже язык прикусить не успела. «Боже мой, куда я лезу!» – только и оставалось воскликнуть ей про себя.

– У меня родные далеко, на Урале живут, да и отношений с ними я давно не поддерживаю. И это правда – не ваше дело. Легко советовать, вы, наверное, деньги лопатой гребете, а у меня трое детей, младший только недавно в садик пошел, я на работу-то вышла полгода назад. Вы думаете, у меня есть деньги? Он у меня зарплатную карточку забрал, выдает 40 рублей на проезд – и все. Говорит: «Зачем тебе деньги, я тебя кормлю, одеваю». Однажды попросила у него разрешения купить кошелек, так он мне сказал, что у меня нет такой надобности. – Юля так разволновалась, что покрылась красными пятнами, запустила руку в волосы и начала нервно их выдергивать по волоску.

– Да что вы вообще в жизни понимаете! – выкрикнула она так, что на них стали оборачиваться прогуливавшиеся по больничному двору пациенты.

– И как вы можете так жить?

– Простите меня, что-то я разволновалась. – Юля мгновенно сникла. – Я не должна была повышать голос.

«Лишь на мгновение она позволила себе сказать то, что ее действительно волнует, и теперь опять спряталась за стеной собственной покорности. Ну что за человек? А в принципе мне-то какое дело?» – по-думала Татьяна, а вслух сказала совсем другое:

– Юля, вы прекрасная жена, мать и невестка. Все у вас будет хорошо, только берегите себя.

На этих словах гадалка развернулась и пошла к больничной ограде, а Юля осталась стоять, затравленно глядя ей вслед.

4

Как-то вечером Татьяна сидела перед телевизором, шли местные новости. Бодрая девушка с парикмахерской башней на голове с неуместной жизнерадостностью сообщила: «А теперь к криминальным новостям. Неделю назад ушла из дома и не вернулась 30-летняя Юлия Романова».

На экране появилась фотография.

«Господи, это же Юля!» – отчаянно пронеслось в голове у Татьяны. Она поперхнулась чаем, который пила перед телевизором.

«Была одета в голубое платье и белые босоножки. Особая примета: на левом предплечье имеет родимое пятно величиной с пятирублевую монету. У Юлии Романовой дома осталось трое детей».

«Что это?! Опять я виновата?! Я же советовала ей уйти от мужа, но зачем она оставила ему детей?!» – мысли Татьяны, словно град, прибывали к земле все ее внутреннее спокойствие.

«А вдруг он ее убил, потом пошел в полицию и сказал, что она сама ушла?!» – внезапно вспомнила она сюжет какого-то криминального сериала.

Рука сама собой потянулась к телефону и набрала номер верной подруги Аллы.

– Слушай, я тут по телевизору увидела, что одна моя клиентка без вести пропала неделю назад, – без предисловий начала она. – Помнишь, из которой свекровь веревки вьет, и муж у нее деспот. Как думаешь, мне нужно идти в полицию?

– А что ты там скажешь? – разумно поинтересовалась Алла.

– Что муж ее бил, что свекровь загнобила совсем.

– Серьезное обвинение, но найдутся люди, которые и без тебя сообщат об этом. Те же соседи, полицейские наверняка их уже опросили. А шила в мешке не утаишь, стены-то в домах картонные, все слышно: и скандалы, и побои, а при желании даже ворчание свекрови можно расслышать. Я бы на твоём месте никуда не ходила. Зачем тебе это нужно?

– ровным голосом рассуждала Алла.

– Да опять я себя виноватой чувствую. – Татьяна в сердцах ударила рукой о подлокотник кресла.

– С чего бы это? Что ты за них зацепилась?

– В голосе Аллы была слышна улыбка.

– Я ведь все-таки пошла в больницу к этой Зинаиде, там Юлю и встретила. Кто меня дергал за язык, не знаю, но я советовала брать детей и бежать из этой семейки, куда глаза глядят. Только видишь, пропала она одна, дети остались дома.

В трубке повисла пауза. Затем Алла сказала:

– Тем не менее полиция и без тебя разберется. А ты ни в чем не виновата. Каждый человек в своей жизни все решения принимает самостоятельно и делает свой собственный выбор. Мало ли кто и что ему говорит.

Голос подруги был очень спокойным. Эта женщина, которая пережила немало испытаний, всегда помогала Татьяне притормозить, посмотреть на ситуацию холодным взглядом.

– Никуда я не пойду. Ты права. Но спать сегодня точно не буду.

– Слушай, хоть ты всегда и отнекиваешься от своих экстрасенсорных способностей, может, сегодня на эмоциональной волне у тебя и получится получить ответ: что случилось с Юлей. Жива она и здорова, или с ней произошло что-то страшное. Задай этот вопрос в космос, может, и ответ получишь, – совершенно серьезно посоветовала Алла, которая была убеждена, что Татьяне открыты какие-то потусторонние тайны.

– Да ладно тебе, – отмахнулась гадалка, но про себя вдруг поняла, что действительно может что-то такое сделать.

Когда Татьяна положила трубку, то для начала решила успокоиться: села поудобнее в кресло, закрыла глаза, постаралась расслабить мышцы и сосредоточиться на своем внутреннем состоянии, которое обычно представлялось ей в виде какого-то цвета. Сейчас она болталась в оглушительно оранжевом пространстве, на ощупь напоминавшем густой суп-пюре, а на вкус – акварельные краски. «Выбирайся отсюда!» – дала она себе внутренний приказ и тут же почувствовала прохладное дуновение ветра и запах ультрафиолетовой лампы, которой в детстве ей лечили горло. Теперь она находилась в пустой комнате, стены, потолок и пол которой были глянцево-белыми.

«Надо сформулировать вопрос», – почувствовала она.

«Что случилось с Юлей?» – мысленно, но очень отчетливо и внятно произнесла она, кинув слова в белую комнату, как бусины. Они запрыгали по гладкому полу кровавыми жемчужинами.

Никакого ответа не было, но пространство комнаты начало неприятно вибрировать.

Вдруг красные бусины перестали хаотично скакать по полу, они синхронизировались, выстроились в ряд и начали одновременно отстукивать какой-то ритм. Вибрации комнаты усилились, и все вместе это создало странную мелодию. В ней все отчетливее звучало: «Нор-маль-но. Нор-маль-но. Нор-маль-но».

Затем все рассыпалось, и Татьяна оказалась в собственном кресле. Она открыла глаза.

«Значит, все с ней нормально», – решила экстрасенс. Она легко встала и пошла заварить себе чашечку кофе. Нужно было прийти в себя.

На следующий день ей позвонила Зинаида. Каким-то заговорщицким, но отнюдь не печальным голосом она сказала:

– Слышала, что бледная немочь-то выкинула? Пошла на работу в свой дом престарелых утки за стариканами мыть, проработала смену, вышла за ворота и исчезла, словно сквозь землю провалилась. Уже неделю ее никак найти не могут. Ну что за баба, теперь трое детей на мне да на сыне повисли. Хотела вот к тебе заглянуть, погадать, куда она пропала.

– Да, видела по телевизору новости. – Татьяна строго хранила тайны своих клиентов и ни за что бы не выдала, что знает Юлю, что та была у нее на сеансах. – Приходите сегодня вечером, давайте попробуем.

«А заодно и узнаем, что вы там с ней сделали», – злорадно подумала Татьяна.

– Раскидывай свои карты, что там бледная немочь задумала, – накинулась с порога на Татьяну Зинаида, когда пришла к ней на следующий день.

«Что же ты злая-то такая? Человек пропал, может, с ней беда, – вспыхнула хозяйка квартиры про себя. – Точно вы с ней что-то сделали, а теперь для отвода глаз притворяетесь, что волнуетесь».

Татьяна молча раскладывала карты Таро, внутренне закипая.

– Карты пустые выпадают, не хотят говорить, – задумчиво произнесла Татьяна. – Она как пропала-то? Какие были ее последние слова? Когда вы виделись? – Татьяне хотелось узнать подробности не из любопытства, она продолжала подозревать, что в исчезновении Юли виноват ее муж или свекровь, или они вместе.

– Что ты как в полиции заладила? Нас там и так замучили. Не трогали мы ее. Да и зачем? Чтобы троих детей на себя повесить? Ты в своем уме?

– Ну версии у вас какие-то есть?

– Вот это я у тебя и пришла спросить. Ты гадалка или притворяешься? Какие у тебя версии? – начала повышать голос Зинаида.

Татьяна мягко взглянула на гостью, собрала свою волю в кулак, помня о том, что у пожилой женщины опять может случиться приступ, и ровно ответила:

– Карты не хотят говорить, может, вы принесли ее фотографию?

– Ах, да. Вот, держи карточку, – спохватилась свекровь и протянула гадалке свадебное фото. С него, даже в момент торжества, затравленно смотрела Юля. Жених при этом был снисходителен и горделив.

Она положила фотографию на стол, прикрыла ее рукой и замерла.

Естественно, что никаких откровений ей в этот момент не пришло, но она отчетливо вспомнила, как красные бусины в ее медитации дали ответ на вопрос. Только вот что значит это «нор-маль-но»? Очевидно, что Юлия, по крайней мере, жива и ее здоровью ничто не угрожает.

– Думаю, она жива, – вслух сказала гадалка.

– И куда она делась? – с тревогой в голосе серьезно спросила Зинаида.

– Для этого мне нужно, чтобы вы назвали ее по имени и сформулировали вопрос. – Татьяне хотелось заставить гостью назвать невестку по имени, ведь не чужие же они люди.

– Я хотела бы знать, жива ли Юлия и куда она пропала, – сказала, как жабу проглотила, гостья.

– Берегите детей. Юлия ваша могла попасть в странное место, откуда ее просто не хотят отпускать, она скучает по детям, – внезапно произнесла гадалка.

«Что я несу? – удивилась про себя Татьяна. – Откуда эта информация?»

– В секту, что ли, попала?

– Не могу сказать. Больше ничего не могу сказать.

– Это пусть полиция разбирается. А слова твои сыну передам. Он хоть и строг с ней был всегда, сейчас что-то расклеиваться начал. Шутка ли, хозяйка из дома исчезла, дети на нем, а на работу надо. Нелегко ему сейчас. А тут хоть надежда на то, что она жива. – Только сейчас в голосе у Зинаиды проскользнуло что-то человеческое.

5

Неделю назад вечером Юля вышла за ворота Дома престарелых. Она не убирала утки за стариками, как выразилась ее свекровь. Молодая женщина работала педагогом-психологом. Платили там мало, но ее деньги все равно забирал муж, который отнял у нее зарплатную карту. Работа Юле просто нравилась: только тут, среди брошенных и одиноких стариков, она чувствовала, что действительно кому-то нужна, что ее ждут и любят. Даже с собственными детьми у нее не было такого чувства, потому что уже сейчас они смотрели на нее глазами отца – насмешливо и высокомерно, как на человека, у которого не все в порядке с головой. Только младший сын все еще жался к ней, словно маленький котенок, но это ненадолго: еще пару лет, и физическая связь, которая крепко держит вместе ребенка и мать, начнет ослабевать.

Был прохладный летний вечер, ничего примечательного. В голове у Юли были домашние заботы, нужно было поторапливаться, чтобы вовремя забрать дочь из садика. В кармане звенели 40 рублей – все, что ей выдал муж на проезд.

Она привычно пошла на остановку, стала ждать автобус. Транспорта долго не было, поэтому мужичок, который вместе с ней стоял в ожидании, раздраженно махнул рукой и куда-то пошел пешком. Она осталась одна. Наконец подошла маршрутка. Юля неловко забралась внутрь. На одном из сидений расположилась странная женщина: черный платок, черный балахон до пят. «Монашка», – решила Юля.

Какая-то сила заставляла ее не отводить взгляда от этой женщины. Наконец пассажирка в черном ласково на нее глянула и произнесла:

– Добрый вечер.

Юля так смутилась, что, по обыкновению, покрылась красными пятнами. Она не смогла из себя выдавить ответное приветствие, поэтому засуетилась, полезла зачем-то в сумку, ничего в ней не нашла кроме носового платка и сменных колготок младшего сына, которые она всегда носила с собой, чтобы можно было поменять мокрые, если случится непредвиденная авария.

Женщина в черном продолжала ласково смотреть на Юлю и молчать. От нее шла какая-то волна теплоты. Наконец она сказала:

– Вот еду из города на автостанцию, потом до деревни Красная Горка. Там у нас обитель. Бумаги ездила выправлять для настоятельницы, – сказала пассажирка.

Молчать в ответ было уже неудобно, поэтому Юля ответила:

– Вот в садик еду сына забрать.

– Хорошее дело. Помолюсь за тебя и за твоего сына.

– Помолитесь за всех моих детей: за Аленку, за Стасика и за Людочку.

– Обязательно. – Женщина в черном наклонила голову в знак согласия.

«Какая она спокойная, видно, что легко у нее на душе, не то что у меня. Жить больше нет никаких сил, устала. Я тоже хочу уехать куда глаза глядят, в какую-то там Красную Горку. Там тихо, спокойно, и тебя все любят. Только кому я там нужна?» – Юля тихонько вздохнула.

Почему-то ей стало любопытно, выйдет ли действительно монахиня на автостанции. «А вдруг обманывает?» – почему-то подумала она, по привычке не доверяя служителям культа. Остановка «Автостанция» была позже, чем «Улица Чайковского», на которой нужно было выходить Юле, чтобы попасть в детский сад. Какая-то неведомая сила приковала ее к сиденью, когда водитель объявил: «Улица Чайковского», следующая – «Колхозный рынок». Как завожженная, просидела Юля в маршрутке, пока они не доехали до автостанции. Когда монахиня выходила, она приветливо наклонила голову и сказала: «До свидания, голубушка. Храни тебя Господь». Только и видела Юля ее черный подол да быстро удаляющуюся по аллее фигуру.

«Как, интересно, ее зовут? Что же я такая растеряха? Вот хорошая женщина, может, когда-нибудь я приду к ним в Красную Горку и скажу: «Вот я, Юлия непутевая. Возьмите меня

к себе, спрячьте, обогрейте, вылечите мою душу. А они дадут мне с дороги попить холодной воды, я хлебну, умоюсь и буду мести монастырский двор да за пожилыми монахинями ухаживать. Никто меня никогда там не найдет, никто меня больше не обидит».

Когда Юля поняла, что проехала свою остановку, она даже не забеспокоилась. Какое-то глухое бесчувствие опустилось на ее плечи, словно она оказалась в другой реальности, где не нужно беспокоиться о детях, торопиться домой, бояться мужа и свекрови. Автобус катил дальше по основному городскому проспекту. Наконец водитель объявил: «Конечная остановка». В салоне остались только Юля и какая-то старушенция с двумя большими матерчатыми сумками. Она рванула вперед, чтобы выскочить из маршрутки первой. Юля шла медленно, как будто это был какой-то особенный ритуал: выход из автобуса. Она трогала обивку сидений, гладила поручни, словно прощалась с ними, да и заодно со всем этим бранным миром.

– Девушка, давайте побыстрее, освободите салон. – Водителю явно хотелось на перекур.

Окрик вернул Юлю в привычное состояние извиняющейся суетливости. Она выскочила из автобуса.

– Э, а за проезд кто платить будет? – крикнул ей вслед водитель.

– Ой, я забыла. – Юля кинулась обратно, но мужчина глянул на нее сочувственно: ее кособокая фигура заставила его лишь махнуть рукой.

Юля потерянно стояла в незнакомой части города. Это была небольшая площадь, в центре которой расположилось трамвайное кольцо, а на периферии – киоск «Союзпечати», ларек с мороженым и трамвайная диспетчерская. Тут же устроили себе импровизированную стоянку таксисты. Группка мужчин курила и ждала клиентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.